

© 2022

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

К НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Дискуссионная статья касается проблемы ускорения перехода к устойчивому развитию в Российской Федерации. Для достижения разнородных целевых ориентиров устойчивого развития требуется консолидация совместных усилий ключевых субъектов. Это становится возможным, как следует из приведенной аргументации, посредством разработки и реализации индикативной национальной Стратегии, представляющей собой обоснованное позитивное и системное видение устойчивого развития как трансформации на обозримую перспективу.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трансформация социальной системы, национальная стратегия, государственно-частное партнерство.

DOI: 10.31857/S020736760023428-9

Принятие ООН в 2015 году рамочной концепции устойчивого развития — Повестки2030 — повлияло на планы развития многих стран, в том числе и России.

Конечно, следует исходить из существующих реалий: продолжающийся военный конфликт на Украине и применение жестких санкций со стороны западных стран обусловили рецессию во многих экономических секторах. Однако в целом их воздействие на развитие отечественной экономики было, по всем оценкам, ограниченным [1]. Резонно полагать, что наблюдающийся временный экономический спад не станет барьером для будущих перемен в русле идеологии устойчивого развития [2]. Они могут быть реализованы, используя существующий ресурсный и человеческий потенциал, как и утвердившиеся институты своеобразно смешанной национальной экономики.

Существенная черта Повестки2030 заключается в целостном охвате важных составляющих социальной жизни. Вместе с тем в настоящее время в определенных общественных кругах приоритет отдается борьбе с изменением климата, и только в дальнейшем предполагается достижение других объявленных целей с использованием существующего арсенала средств, моделей и методов. Такой подход к разрешению климатической проблемы посредством экстраординарных решений неизбежно сопряжен с крупными затратами, обременительными для существующих национальных государств, и столь же огромными сопутствующими рыночными и иными издержками. Это утверждение в полной мере сочетается со скромными результатами недавнего мирового саммита в Глазго, на который возлагались очень большие надежды [3].

По нашему мнению, справедлив следующий аргумент. Улучшение состояния окружающей среды и относительная климатическая стабилизация зависят

от ожидаемого интегративного последствия позитивных сдвигов во всех областях трансформации общества как консолидированной социальной системы [4]. Особо значима зависимость экологических и климатических индикаторов от эффективности использования материальных ресурсов. В то же время сказанное, конечно, не ставит под сомнение исключительную значимость усилий непосредственно в области экологии и стабилизации климата, объективно реализуемых в относительно автономном режиме.

Ключевые субъекты устойчивого развития. Говоря о тенденции приближения к устойчивому развитию (УР) в последнее десятилетие, резонно акцентировать внимание на фундаментальном сдвиге, произошедшем в современном бизнесе. Он заключается в переходе от общих (часто называемых философскими) принципов корпоративной социальной ответственности к завоевавшим признание стандартам ESG (экология – социальная деятельность – управление). Эти новые стандарты непосредственно связаны с целями и задачами устойчивого развития, представленными в Повестке2030.

Нельзя не акцентировать внимание на обращение многих российских предприятий к ESG-приоритетам. Так, крупные компании делают ESG-повестку частью плана долгосрочного развития своего бизнеса, чтобы обеспечить инвестиционную привлекательность и получить потребные кредиты наряду с возможным специальным финансированием. В прошедшем 2021 году уже 30% компаний имели ESG-рейтинг и еще 13% намеревались его получить к 2024 году [5]. В настоящий момент стратегии подавляющего числа обследуемых компаний включают разделы, посвященные устойчивому развитию. Правда, только в 30% компаний ключевые индикаторы, характеризующие внедрение ESG-принципов, используются при определении вознаграждения сотрудников [6].

Есть основания полагать, что ESG повестка сохранится и будет распространяться в отечественном корпоративном бизнесе, несмотря на режим санкций. В значимой мере этот тренд обусловлен тесным и все более расширяющимся сотрудничеством российских компаний с азиатскими партнерами, ориентированными на достижение целей устойчивого развития в своей деятельности. В условиях резких изменений на энергетических рынках, в том числе вызванных введением углеродного налога в ЕС, и адаптации к санкциям крупный бизнес стоит перед необходимостью усиления инициатив по всем ESG-направлениям.

Одновременно ESG-повестка расширяется за счет вовлечения новых участников – предприятий малого и среднего бизнеса (МСП), которые являются поставщиками крупных компаний. Несмотря на общеэкономический спад, объем контрактов между крупными компаниями и субъектами МСП существенно вырос в текущем году [7]. Исследователи справедливо обращают внимание на потенциально высокий вклад существующего малого и среднего предпринимательства в достижение императивов устойчивого развития. Об этом, например, свидетельствует выбор потребителей в пользу экологически безупречных и эксклюзивных продуктов питания и предметов мебели, производимых индивидуальными предпринимателями. В ближайшей перспективе

прогнозируется успешная диффузия «зеленых» и, в частности, циркуляционных технологий в МСБ во многих регионах нашей страны. Правда, при оценке такого рода прогнозов следует учитывать сегментационную ограниченность развития рассматриваемого сектора, в основной своей части фактически зависящего от крупных корпораций.

Позитивный вклад в разрешение проблем устойчивости в разных секторах вносит и новый эко системный бизнес, функционирующий на принципах равноправия и транспарентности [8]. Так, результаты деятельности ряда крупнейших мировых корпораций (таких, как Тенсент, Микрософт и Амазон), которые теперь частично инкорпорируют в себя экосистемные бизнес-сети, во все большей степени соответствуют императивам устойчивости.

Вместе с тем, несмотря на сказанное, явная ошибка заключается в отведении рыночному бизнесу исключительной роли в обеспечении устойчивого развития. Конкретные производители, в том числе самые крупные, ориентированы на выполнение императивов УР главным образом в границах отдельных рыночных сегментов. Судя по реальному опыту, в России благотворительную (именно благотворительную!) деятельность крупного бизнеса на поприще финансирования проектов и мероприятий в области УР отличают ограниченные масштабы. Кардинальное увеличение этих масштабов противоречит целям максимизации финансовых результатов, сохранения и улучшения конкурентных позиций, остающихся главными для успеха современных корпораций на существующих рынках. По этой причине распространенное представление, касающееся «чудодейственной» роли крупного бизнеса в процессе системного перехода к устойчивому развитию, вызывает известное отторжение.

Ряд исследователей приводят аргументы в пользу того, что проблема координации решений ключевых субъектов в различных областях устойчивого развития остается далекой от разрешения (например, [9–12]). Исходя из внутренней логики интегративной концепции УР, можно утверждать: достижение целей УР возможно только при участии всего общества, а, значит, его представляющих субъектов общественной регуляции. Главным из них выступает само государство, роль которого как системного регулятора по-прежнему остается неоспоримой в случае предполагаемого сохранения институтов гибридного государственного капитализма в нашей стране. Без активного участия государственных агентств на всех трех системных уровнях — федеральном, региональном и местном — в необходимой мере не достижимы целевые ориентиры устойчивого развития в части индикаторов производства и потребления ресурсов, состояния социальных секторов и разрешения гуманитарных проблем.

Вместе с тем во многих случаях наиболее эффективными исполнителями строго адресных социальных проектов оказываются независимые негосударственные организации (НГО), хорошо адаптирующиеся к внешней локальной среде, человеческой и природной, в связи с чем их роль, очевидно, будет усиливаться.

Отметим, что нынешнее российское правительство, состав которого кардинально обновился три года назад, последовательно выступает проводником принятого долгосрочного курса в области декарбонизации экономики. Разработанная в прошлом году правительством рабочая программа «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» конкретизирует этот курс [13].

Также нельзя обойти вниманием резко возросшую в последнее время активность правительств многих отечественных областей на поприще устойчивого развития [14,15]. Резонно упомянуть хотя бы о совместной реализации несколькими областями фронтального стратегического проекта "Волга — экологический прорывной регион ESG". Большой резонанс вызвало и заключение целым рядом регионов соглашений о сотрудничестве с крупнейшими российскими банками, касающегося выпуска региональных "зеленых" облигаций и использования сопутствующих банковских продуктов. По-видимому, произошел долгожданный сдвиг в политике региональных властей в сторону устойчивого развития. Весьма показательно, что национальное рейтинговое агентство с этого года начало присваивать ESG-рейтинги субъектам РФ.

Уместно добавить, что в городах ряда регионов, в частности, в Ленинградской области, происходят существенные подвижки в отношении улучшения экосоциальной среды [16]. Она во все большей мере соответствует условиям функционирования «умных городов» в их признанном понимании, сформулированном в Повестке 2030.

Конечно, нельзя игнорировать широко распространенное мнение о том, что государство-«левиафан» неизбежно подавляет инициативу других экономических субъектов. Такова часто встречающаяся практика административного «выкручивания рук» частным предпринимателям, особенно в провинциальных регионах, де-факто после заключения договоров о хозяйственном партнерстве. В такой ситуации рыночные и социальные предприниматели оказываются не заинтересованными в эффективном деловом сотрудничестве с государственными органами. Тем более, исходя из императивов устойчивого развития применительно к экономической деятельности.

Тем не менее выход из положения, на наш взгляд, существует. Использование широких ресурсных и институциональных возможностей в настоящих условиях преобладания государственного патернализма позволяет достигнуть сотрудничества между основными субъектами, приносящего желаемый синергетический эффект. Решающее значение при переходе к устойчивому развитию приобретает совершенствование механизмов взаимодействия экономических агентов государства, рыночных и социальных предпринимателей.

В первую очередь представляется необходимым использование эффективного механизма государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, продолжительный практический опыт во всем мире подтверждает ключевое

значение ГЧП в выполнении экологических, инфраструктурных и многих других проектов в области устойчивого развития [17,18].

В России в настоящее время внедряется система оценки качества и сертификации инфраструктурных проектов, осуществляемых в форме государственно-частного партнерства, именно с позиции соответствия ESG-стандартам. Кроме того, механизм участия государства в долевым финансировании предполагается использовать для выполнения целой серии климатических проектов по снижению выбросов парниковых газов.

В данной связи нельзя обойти вниманием причины, препятствующие использованию ГЧП для выполнения экологических и других проектов в области устойчивого развития [18]. Справедливым представляется заключение: действующие правовые нормы законов, регулирующие деятельность ГЧП на федеральном и региональном уровне, нуждаются в серьезном улучшении, направленном на снижение давления интересов публичного партнера [20]. Тогда станет реальным достижение «ценностной гармонии» участников соглашений ГЧП [21]. В результате масштабы и эффективность их деятельности могут кардинально увеличиться.

Особенно велик потенциал расширения публично-частных партнерств, функционирующих в рамках локальной, местной экономики, о чем свидетельствует успешный опыт многих стран, особенно Скандинавии и Юго-Восточной Азии.

Нам представляется, что большую значимость в этой связи будет иметь коренное реформирование на демократических принципах местного самоуправления (МСУ) как института самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов местного значения. Настала пора институционализации, прежде всего в части правового режима, коллективных действий граждан, направленных на обеспечение занятости и повышение благосостояния, улучшение качества жизни и поддержание благоприятной природной среды в рамках местного сообщества.

Первоочередной результат такого реформирования, опираясь на подготовленный в 2022 году Новый Федеральный закон [22], призван выразиться в предоставлении полноценной экономической и финансовой самостоятельности органам МСУ, формируемым в результате прямых муниципальных выборов. Тогда они будут заинтересованы в эффективном партнерстве с частным бизнесом и социальными предпринимателями на поприще УР именно на локальном уровне в соответствии с передовой мировой практикой.

По сути дела, на локальном уровне государственные организации призваны будут выступать в роли публичных инвестиционных компаний, предоставляя на соревновательной основе частному бизнесу — в основном, индивидуальным предприятиям по своему юридическому статусу — прямые инвестиции, займы

и гарантии по кредитам. Таким путем фактически будет обеспечиваться самозанятость населения, неиспользуемый потенциал которой в настоящее время очень велик. Как следствие, может быть частично разрешен столь важный в настоящее время вопрос достижения уровня нормальной занятости в отдаленных регионах и в небольших городах.

О целесообразности разработки национальной стратегии устойчивого развития. Основываясь на рамочной концепции Повестки2030, достижимо системное видение трансформации общества, с учетом набора целей УР, определенных на перспективу. Во многих странах в острый период Пандемии наблюдался регресс с точки зрения приближения к этим целям. В настоящий момент после преодоления пика Пандемии возникает потребность в радикальных, совсем не эволюционных подвижках по всем основным направлениям устойчивого развития в рамках социальной системы определенной страны [23]. Такой целостный сдвиг становится возможным только при условии выявления значимых каузальных связей между признанными целевыми индикаторами устойчивого развития (ЦУР).

Было бы неправомерным преуменьшать сложность проблемы одновременного достижения различных ЦУР, принимая во внимание эффекты как дополнения (*complementarities*), так и замещения (*trade-off*) между трансформационными процессами приближения к ним. Так, увеличение сельскохозяйственной продукции, направленное на преодоление бедности, посредством повышения производительности и культивации земель часто приводит к сокращению лесных ресурсов и биоразнообразия. В свою очередь, повышение энергоэффективности за счет использования воспроизводимых ресурсов может быть, как свидетельствует множество примеров, связано с ухудшением состояния территориальных экосистем и водного баланса.

В контексте сказанного, широко принятый подход к изолированному исследованию траекторий приближения к отдельным 17 целям и корреспондирующих с ними 169 задачам Повестки2030 вызывает критику (например, [24,25]). Он сопряжен с фрагментарным видением процессов приближения к устойчивой трансформации в той или иной стране с позиции общесоциальной системной устойчивости: по сути, вопрос о степени приближения национального развития к устойчивой общесоциальной трансформации фактически выпадает из поля зрения.

Определенно, для проектирования устойчивого развития как трансформации требуется принимать в расчет принципиальные различия между ЦУР с точки зрения зависимости степени их достижения от действий ключевых субъектов — требуется реализация целого ряда различных каузальных прикладных моделей, отражающих специфическое сочетание действий этих субъектов. Таким путем может быть достигнуто «наведение» действий субъектов УР на желаемые целевые ориентиры, с учетом упомянутых эффектов взаимного дополнения и замещения процессов приближения к ним. Вопреки популярным представлениям, разрешение этой сложной задачи посредством спонтанного

применения ESG-стандартов и обычных рыночных регуляторов не представляется достижимым: при действии сугубо рыночных механизмов с высокой вероятностью необходимые диапазоны пропорций между различными направлениями устойчивого развития будут нарушены.

В силу высказанной аргументации целесообразна разработка индикативной национальной Стратегии, представляющей собой обоснованное позитивное и притом системное видение устойчивого развития как трансформации на обозримую перспективу. Стоит заметить, что в настоящее время национальные стратегии устойчивого развития приняты только в нескольких странах—Германии, Швейцарии и Канаде [26–28]. Однако их число может существенно увеличиться в ближайшие годы после преодоления пика Пандемии, принимая во внимание, по крайней мере, подготовку всесторонних национальных докладов о реализации ЦУР в широком числе стран.

В Стратегии призваны быть представлены оптимистичные и в то же время реально достижимые целевые ориентиры приближения к траектории УР по всем значимым направлениям. Для этого потребуется обновление существующих правительственных прогнозов и программ.

Как известно, Россия входит в десятку стран, которые производят наибольшее количество выбросов парниковых газов, как в абсолютном выражении, так и на душу населения. Исходя из такой ситуации, по мнению многих экспертов, явно неприемлемо сокращение загрязняющих выбросов к 2030 г. только на 4% в сравнении с 2019 г. согласно последним проектировкам Минэкономки. По-видимому, в ближайшем будущем целесообразным станет введение специального углеродного налога, подобному действующему в ЕС. Альтернативное решение — внедрение механизма торговли квотами на выбросы парниковых газов, как в Китае. Однако такой механизм, стоит заметить, не подходит в обозримой перспективе для отсталых российских регионов.

Также в кардинальном пересмотре нуждаются прежние проектировки энергопотребления и его структуры. До сих пор Россия остается третьим крупнейшим потребителем энергии в мире, а потери электроэнергии составляют до 50% ее использования. Ожидаемые экспортные потери России составят в лучшем случае десятки миллиардов долларов вследствие беспрецедентного перехода развитых стран мира к низкоуглеродной, а в дальнейшем к безуглеродной экономике [29]. Для их компенсации необходимо скорейшее достижение показателей энергоэффективности передовых стран, сопровождаемое максимально возможным увеличением использования воспроизводимых энергетических ресурсов на базе новейших удешевляющих технологий. Формат системной национальной стратегии как раз позволяет адекватно представить эффективную модель грядущего энергетического перехода как результата взаимодействия государственных агентств и бизнеса, так и реализации технологических инноваций с учетом всех значимых межсекторных связей.

Исходя из обновленных проектировок, в Стратегии должны быть обоснованы ключевые решения по поддержке различных многочисленных проектов по преодолению климатических ухудшений, инициированных Парижским соглашением по климату 2016 года. То же касается экологических региональных проектов.

Координирующая роль национальной Стратегии устойчивого развития. Определенно, в процессе разработки Стратегии следует в первую очередь принимать в расчет фундаментальную дивергенцию между группами ЦУР. По нашему представлению, целесообразна реструктуризация ЦУР, по крайней мере, по пяти консолидированным группам. Первую группу представляют специфические цели (целевые ориентиры) производства и потребления ресурсов. Вторую группу – целевые макроориентиры устойчивого производства и распределения ресурсов (материальных, нематериальных, денежных в виде доходов и капитала), притом удовлетворяющие необходимым балансовым ограничениям. Экологические и климатические цели составляют третью группу. Четвертая группа охватывает косвенно измеримые цели и задачи устойчивого развития социального, над-экономического значения. Наконец, последняя группа включает неизмеримые, сугубо гуманитарные индикаторы. Разумеется, взаимосвязи между различными целями и задачами призваны быть непосредственно инкорпорированы в упомянутые модели.

Наше исходное предположение: специфические и макроцели выступают структурообразующими в отношении всех остальных признанных ЦУР. Вполне понятны аргументы в пользу этого утверждения как бы от противного.

Во-первых, неудовлетворительное приближение к целям устойчивого производства и потребления, как и к макроцелям, фактически делает крайне проблематичным решение большинства задач в области экологии и стабилизации климата. Потребная нагрузка на бюджет государства оказывается слишком обременительной.

Во-вторых, невыполнение структурообразующих ЦУР однозначно сопряжено с избыточными материальными издержками, инвестициями и затратами на воспроизводство человеческого капитала для достижения целей, касающихся устойчивого образования, здравоохранения, культурного досуга, и тем более, сугубо гуманитарных целей. В пользу сказанного косвенно свидетельствуют международные страноведческие сопоставления. Так, в Германии и Швейцарии в сравнении с Францией и Австрией степень достижения структурообразующих ЦУР существенно выше, что коррелирует с гораздо более низкой бюджетной нагрузкой на социальные цели [30].

Эскизная рамочная модель достижения структурообразующих, специфических и макроцелевых, ориентиров УР представлена на объемном рис. 1. Сфокусируем внимание только на нескольких моментах.

Первый момент. Необходимо особо учитывать объективную автономность происходящих технологических перемен, как и демографических и климатических

изменений. Весомость этих относительно экзогенных драйверов достижения ЦУР по всем признакам кардинально возросла.

Второй момент. Следуя трансформационной парадигме, достижение траектории устойчивого производства и потребления ресурсов во всей социальной системе предполагает ее качественный переход во времени и пространстве относительно исходного состояния. Такой переход неизбежно связан с внутрисистемными и надсистемными сдвигами. И в конечном итоге, эти системные сдвиги призваны выступать также драйверами достижения специфических ЦУР в соответствии с Повесткой 2030.

Третий момент. Хорошо известны аргументы в обоснование основных наднациональных системных сдвигов, требуемых для перехода к УР. Единственно, хотелось бы акцентировать внимание на безотлагательной необходимости долговременного разрешения проблем целого ряда стран. В результате должны быть элиминированы грандиозные миграционные потоки и другие процессы, оказывающие сильное дестабилизирующее воздействие на весь мировой социум.

Четвертый момент. Инициативная роль корпоративного бизнеса, как и независимого малого и среднего бизнеса, в достижении устойчивого производства и потребления ресурсов не вызывает сомнений. Также трудно поставить под вопрос важный и позитивный вклад в реализацию императивов УР, который уже сейчас вносит экосистемный бизнес, функционирующий на принципах прозрачности. В то же время, значимость общественной регуляции для приближения к специфическим ЦУР, особенно за границами рыночных секторов, остается первостепенной.

Исходя из сказанного, принципиальное значение будет иметь инкорпорирование в Стратегию дополнительных макроцелей в качестве первоочередных. Они представимы индикаторами распределения финансовых ресурсов и капитала, потенциала занятости и численности трудового миграционного потока. Частично эти целевые ориентиры, стоит заметить, присутствуют в обновленной Стратегии устойчивого развития Германии [26].

Особо важную проблему, нельзя не отметить, представит обеспечение сбалансированности обновленного расширенного круга макроиндикаторов устойчивого развития. Возникнет необходимость применения усовершенствованной процедуры их согласования. Такая процедура давно апробирована в ЕС [31]; определено целесообразно заимствование этой практики и в нашей стране. Резонно надеяться, что следствием автоматизации и цифровизации станет достижение системного синтеза информации разных уровней и тем самым кардинальное ослабление информационных изъянов большинства сегментов рыночной и иной предпринимательской деятельности. Тогда станет целесообразным инкорпорирование в Стратегию в качестве целевого ориентира ключевого (с позиции долгосрочного

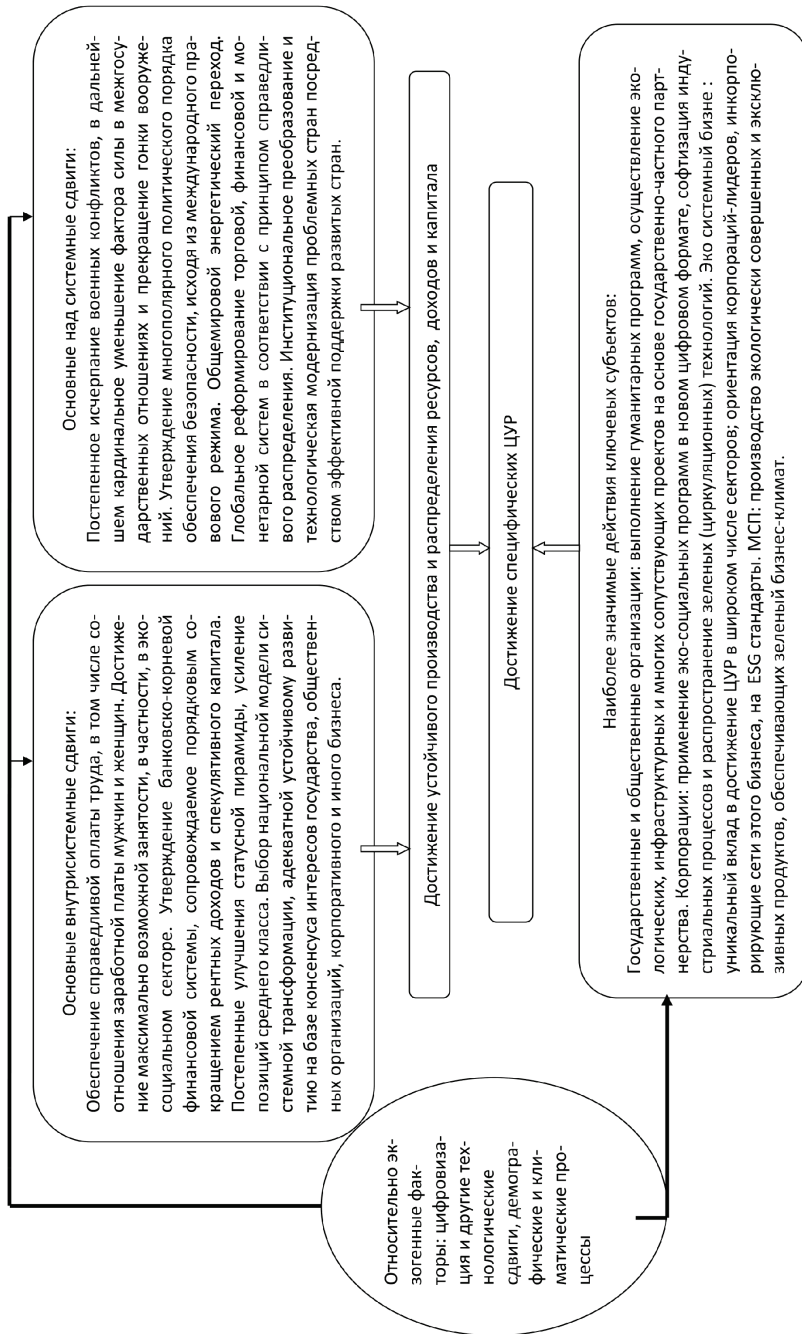

Рис. 1. Драйверы достижения специфических и макроцелей УР на национальном уровне: рамочный эскиз

Источник: интерпретация автора.

национального программирования) индикатора долгосрочного потенциального выпуска, в том числе в секторном и региональном измерениях. Именно этот индикатор адекватно отражает условия сбалансированного распределения (аллокации) ресурсов относительно основных факторов выпуска (производительного капитала, труда и инноваций) с учетом реальных рыночных характеристик (в их числе неполной эластичности заработной платы, относительной жесткости цен и др.) [32]. Столь же важный дальнейший шаг заключается в инкорпорировании вилочных индикаторов устойчивого распределения доходов и капитала, исходя из влияния этих процессов на долгосрочный потенциальный выпуск и его основные составляющие.

Предлагаемый подход к реструктуризации и расширению состава ЦУР позволяет отразить каузальные связи между ними, которые необходимо принимать в расчет при проектировании будущих траекторий устойчивого развития. Тогда в полной мере такое проектирование будет выступать органичным звеном прогнозов / программ (планов) национального экономического и социального развития в соответствии с внутренней логической последовательностью их разработки. На этой основе становится возможным проектирование всего широко спектра процессов, опосредующих переход к устойчивому общесоциальному развитию как системной трансформации [23].

Доминирующее влияние драйверов достижения специфических и макроцелей на приближение к 3ЦУР, 4ЦУР and 5ЦУР с учетом действий ключевых субъектов отражено на рис. 2. Фактически речь идет о двухстадийном проектировании достижения этих трех групп «ведомых» целей.

Следуя представленному подходу, последовательное проектирование процессов достижения ЦУР предполагает адекватную оценку эффектов дополнения и замещения между индикаторами приближения к ним. Тогда в ходе разработки национальной стратегии устойчивого развития станет реальным согласование проектируемых траекторий достижения ЦУР (рис.3).

Также разработка Стратегии открывает возможность для эффективной долгосрочной координации бюджетного финансирования и индикативных долгосрочных инвестиционных программ по отдельным направлениям устойчивого развития.

Особо важный вопрос заключается в изыскании источников бюджетного финансирования, в решающей мере направленного на достижение гуманитарных целей и приближение к императивам устойчивости в сферах образования, здравоохранения и социальной инфраструктуры (включающей сектор культуры) [33]. Вследствие усилившихся бюджетных ограничений, по-видимому, становится необходимым сокращение до минимума неэффективных бюджетных ассигнований и перенаправление освободившихся бюджетных ресурсов на решение задач по обозначенным направлениям УР.

Как показывает международный опыт, для успешного развития зеленой экономики и связанного с ней сектора устойчивого финансирования

возникает потребность в выработке четко и эффективно скоординированной государственной политики привлечения частных капиталов. Долгосрочное проектирование решений, обеспечивающих взаимное дополнение инвестиций ГЧП, корпоративного бизнеса и МСП в зеленую экономику, достижимо именно в рамках национальных Стратегий.

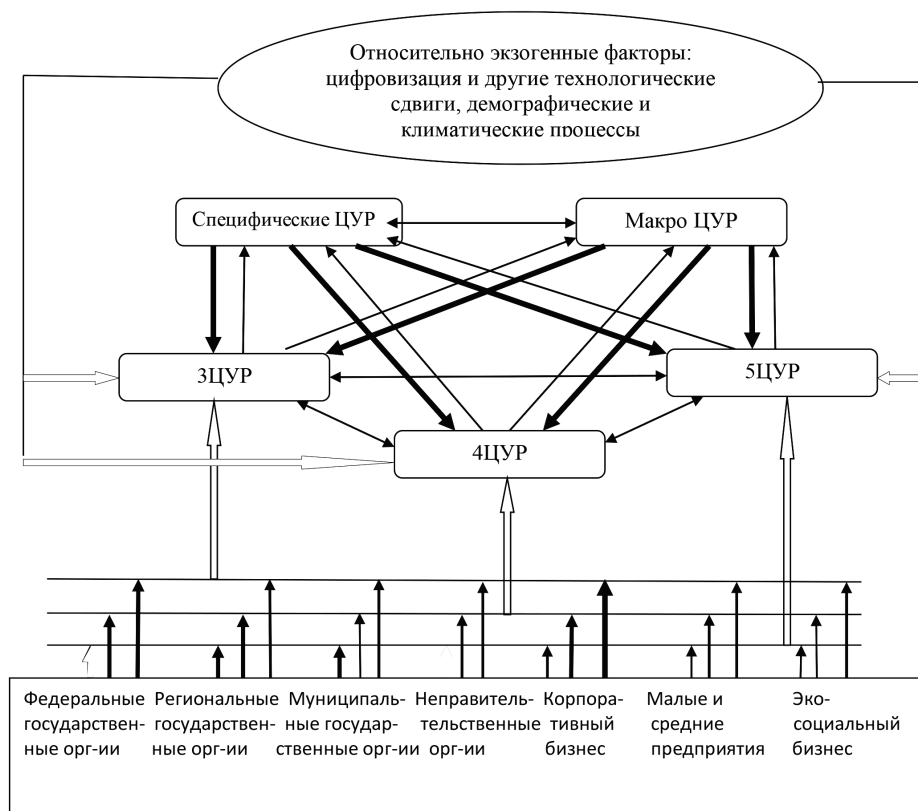

Рис. 2. Приближение к 3ЦУР, 4ЦУР и 5ЦУР: рамочный эскиз^{*)}

^{*)} Относительная значимость действия субъекта по приближению к определенной группе ЦУР отражается толщиной направленной линии-стрелки.

Источник: интерпретация автора.

Добавим, что немалый резерв для ускорения приближения к энергетическим, экологическим и климатическим императивам УР состоит в кардинальном сужении «коричневого» строительства, охватившего все российские регионы в настоящий момент. Для замещения его значительной части на «зеленое», экологически выверенное, возникли большие возможности, которые могут быть реализованы в короткие сроки. Речь идет, заметим, не только о строительстве многоквартирных домов в соответствии с «зеленым» стандартом, получившим

недавно широкое признание в нашей стране. Интенсивное использование экологических конструкционных материалов вкупе с вторичными и воспроизводимыми материалами, как и новейшими ресурсосберегающими технологиями, вполне достижимо также при строительстве различных инфраструктурных и промышленных объектов.

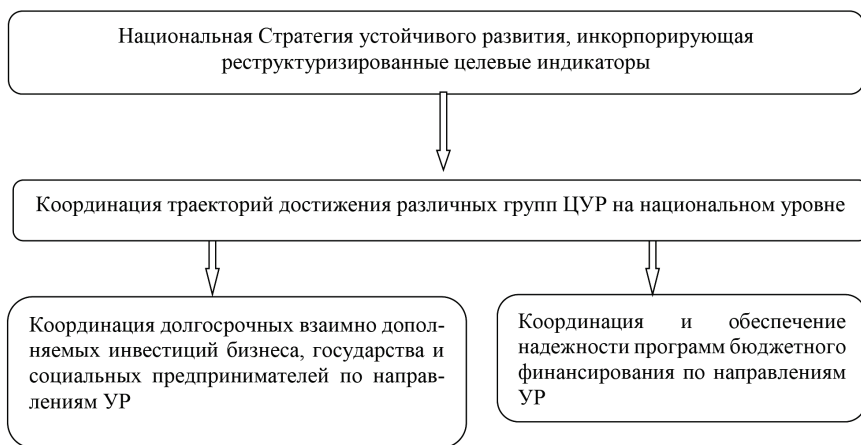

Рис. 3. Координирующая роль национальной Стратегии устойчивого развития

Источник: интерпретация автора.

Конечно, разработку Стратегии не следует воспринимать как панацею для разрешения всех отечественных проблем. Она призвана быть органично вписана в процесс принятия долгосрочных политических решений в широком их понимании.

Так, крайне актуальной проблемой станет обоснование взаимосвязей стратегии устойчивого развития России с другими автономно разрабатываемыми стратегиями (концепциями) на долгосрочную перспективу. В их числе — внешнеполитической стратегией и стратегией национальной безопасности, военной доктриной, долгосрочной политикой социального обеспечения, демографической и миграционной стратегиями. Также потребуются согласование, по крайней мере, на экспертном уровне, узловых стратегических решений в отношении императивов устойчивого развития, с одной стороны, и дальнейшего институционального реформирования экономических и социальных секторов, принятых программ в области цифровизации и автоматизации, регулирования занятости, с другой.

Организационный механизм реализации Стратегии. По всей видимости, исходная разработка Стратегии призвана быть возложена на Межведомственную

правительственную комиссию по устойчивому развитию. В ходе работы комиссии должно быть достигнуто тесное взаимодействие между различными министерствами и агентствами и тем самым согласование их проектировок по всем направлениям устойчивого развития.

Параллельно возникнет потребность в создании объединенного Парламентского совещательного Совета по устойчивому развитию. В его задачи будет входить подготовка экспертных заключений и рекомендаций (включая материалы для обсуждения) по итогам обсуждений в комиссиях Совета Федерации и Государственной думы, касающихся значимых аспектов устойчивого развития. В первую очередь речь идет о приближении к императивам устойчивости в бюджетной политике, социальном обеспечении, городском и сельском развитии.

Кроме того, для обеспечения продуктивного взаимодействия всех заинтересованных сторон в ходе перехода к УР более чем своевременным становится создание специального общественного Совета с участием представителей Правительства, министерств и ведомств. Он должен объединить авторитетных представителей всех звеньев бизнес сообщества, как и неправительственных организаций, в их числе СМИ. Деятельность Совета должна быть направлена на взаимодействие с федеральными и региональными государственными органами, как и на поддержку поисковых проектов по перспективным направлениям УР с учетом региональных особенностей. Особое значение будет иметь активное участие научного сообщества в деятельности Совета. Формат Совета позволит вести диалог представителей государственных организаций с широким числом признанных научных исследователей, представляющим различные дисциплины. Этот диалог призван выразиться в рекомендациях по обновлению национальной Стратегии устойчивого развития.

Литература

1. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf
2. *Пешков А., Микрюков Г.* Задачи устойчивого развития в условиях экономической турбулентности остаются актуальными / Российская Газета, специальный выпуск. 18 октября 2022. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2022/10/18/8.html>
3. Was COP26 in Glasgow a success? 2021. The Economist. Available at: <https://www.economist.com/international/2021/11/14/was-cop26-in-glasgow-a-success>
4. *Мартынов А.* Об идеологии будущего мирового прогресса // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 5–24. URL: <https://oie.jes.su>
5. *Катасонова Ю., Митрофанов П.* Будущее рынка устойчивого финансирования: сохранить и усилить национальную экспертизу // РА Эксперт, 30 марта 2022. URL: <https://raexpert.ru/2022/03/30/katasonova-yu-mitrofanov-p-budushchee-rynka-ustoychivogo-finansirovaniya-sohraniti-i-usilit-natsionalnuyu-ekspertizu/>
6. Национальное Рейтинговое Агентство. ESG-рэнкинг российских компаний промышленного сектора. Сентябрь 2022.
7. Малые и средние предприятия с начала года выступили поставщиками почти в половине закупок госкомпаний / Ведомости. 24 октября 2022.

8. Третьякова Е., Фрейман Е. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 6–20.
9. Tosun, J., & Leininger, J. 2017. Governing the Interlinkages between the Sustainable Development Goals: Approaches to Attain Policy Integration. *Global Challenges*, 1, 9: 1700036. URL: <https://doi.org/10.1002/gch2.201700036>
10. Nilsson M., Chisholm E., & Griggs D. 2018. Mapping interactions between the sustainable development goals: lessons learned and ways forward. *Sustainability Science*, 13:1489–1503. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0604-z>
11. Feola J., & Jaworska S. 2019. One transition, many transitions? A corpus-based study of societal sustainability transition discourses in four civil society's proposals. *Sustainability Science*, 14:1643–1656. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0631-9>
12. Pham—Truffert M., Metz F., Fischer M., Rueff H., & Messerli P. 2020. Interactions among Sustainable Development Goals: knowledge for identifying multipliers and virtuous cycles. *Sustainable Development*, 28, 5: 1236–1250. DOI: 10.1002/sd.2073
13. Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации. 2021 (распоряжение от 14 июля 2021 года № 1912-р). URL: <https://government.ru/docs/42795>
14. Калмацкий М. Российские регионы внедряют принципы устойчивого развития / Российская Газета, специальный выпуск. 18 октября 2022. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2022/10/18/8.html>
15. Федецин А., Пастухова Е., Комкова Н., Шампуров И. ESG повестка в регионах: есть ли перспективы? 25 октября 2022. URL: <https://plus-one.ru/ecology/2022/10/25/esg-povestka-v-regionah-est-li-perspektivy>
16. Турских Т., Галиева Г. ESG-оценка развития российских городов: новые условия — новые задачи для территорий. Эксперт РА. Июль 2022. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/151fd2c66265dcc58547618b3cc90199.pdf>
17. Ríos I. D.L., Ortuño M., Rivera M. Private-public partnership as a tool to promote entrepreneurship for sustainable development: WWP Torrearte experience // Sustainability. 2016; 8(3):199. DOI: 10.3390/su8030199
18. Mouraviev N., Kakabadse N.K. Public—private partnerships in Russia: dynamics contributing to an emerging policy paradigm // Policy Studies Journal. 2014; 35(1):79–96.
19. Седаш Т.Н., Тютюкина Е.Б. Государственно-частное партнерство как инструмент формирования новой климатической экономики // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 4. С. 96–102. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-4-96-102
20. Запорожан А.Я. Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнерства в России // Власть и экономика. 2017. № 4. С. 64–71. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-4-65-72
21. Бедняков А.С. Государственно-частное партнёрство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 1, С. 143–173. DOI:
22. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>
23. Мартынов А. Эволюция и устойчивое развитие: в чем заключается различие? // Общество и экономика. 2021. №10. С. 5–19. URL: <https://oie.jes.su/s020736760017256-0-1>.
24. Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G. 2021. Sustainable Development Report 2021 // New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network. Available at: <https://sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021/>

25. TWI2050 - The World in 2050. 2019. The Digital Revolution and Sustainable Development: Opportunities and Challenges // Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis. DOI: 10.22022/TNT/05-2019.15913. Available at: <https://pure.iiasa.ac.at/15913>
26. German Sustainable Development Strategy. 2021. Update // Berlin: The Press and Information Office of the Federal Government.
27. 2030 Sustainable Development Strategy. 2022. The Federal Council. Available at: <https://www.eda.admin.ch/agenda2030/en/home/strategie>
28. A federal sustainable development strategy for Canada 2019–2022. 2019. Government of Canada. Available at: https://www.fsds-sfdd.ca/downloads/FSDS_2019-2022
29. Fostering Effective Energy Transition. 2022 Edition. World Economic Forum. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Energy
30. Europe Sustainable Development Report. 2021. Online database. Available at: <https://eu-dashboards.sdindex.org/downloads>
31. Alert Mechanism Report 2022. 2021. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/info/publications/2022-european-semester-alert-mechanism-report>
32. Мартынов А. Устойчивый прогресс как результат обще социальной трансформации // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 100–120. DOI:10.31857/S020736760013405
33. United Nations, Inter-agency Task Force for Development. 2022. Financing for Sustainable Development Report // N.Y.: United Nations. <https://developmentfinance.un.org/fsdr2022>.

Arkady Martynov (e-mail: socpolamv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

ON THE NATIONAL STRATEGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article deals with a disputable problem of accelerating the transition to sustainable development in the Russian Federation. Achieving heterogeneous sustainable development targets requires the consolidation of joint efforts of the key actors. This becomes possible, the author maintains, through the development and implementation of an indicative national Strategy, which presents a reasonable positive and systematic vision of sustainable development as a transformation path to the foreseeable future.

Keywords: sustainable development, transformation of the social system, national strategy, public-private partnership.

DOI: 10.31857/S020736760023428-9